

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2021-199-125-134>

О. П. Семенец

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ И СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются речевые коммуникации, которые содержат вербальную агрессию, обнаруживающуюся как при употреблении отдельных языковых средств, так и на дискурсивном уровне. Анализ причин и способов ее проявления показывает, что агрессия является, с одной стороны, средством реализации провокативного, а следовательно, манипулирующего поведения в целом и речевого поведения в частности, с другой стороны — оказывается стратегией речевой самообороны как реакция на некорректное или оскорбительное, с точки зрения субъекта агрессии, отношение к нему. Сопоставительный анализ двух интервью, содержащих вербальную агрессию, демонстрирует, как в зависимости от выбора речевой стратегии можно пойти по деструктивному сценарию к эскалации речевого и стоящего за ним личностного конфликта с последующим разрывом отношения и коммуникативным провалом или, наоборот, по конструктивному — найти пути к коммуникативному сотрудничеству, итогом которого становится гармонизация общения.

Ключевые слова: речевая агрессия, речевое поведение, речевой конфликт, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, гармонизация общения.

O. Semenets

VERBAL AGGRESSION AND TYPES OF VERBAL OPPOSITION

The article deals with speech communications which contain verbal aggression found both in the use of specific linguistic means and at the discursive level. The analysis of the reasons and ways of its manifestation shows that aggression is, on the one hand, a means of implementing provocative, and, therefore, manipulative behavior (including verbal behaviour). On the other hand, it is a strategy of verbal self-defense in response to an attitude which the subject of aggression sees as inappropriate or offensive. A comparative analysis of two interviews that contain verbal aggression demonstrates how, depending on the choice of speech strategies, a destructive or a constructive scenario may be selected. The former involves escalation of the verbal conflict and the personality conflict behind it with subsequent breach in relations and a communication failure. The latter, on the contrary, is an example of communicative cooperation resulting in the harmonization of communication.

Keywords: verbal aggression, speech behavior, verbal conflict, communicative strategy, communicative tactics, harmonization of communication.

Проблема вербальной агрессии в обществе в целом и в СМИ в частности, активно изучаемая сегодня в контексте различных гуманитарных дисциплин: философии, психологии, социологии, политологии, лингвистики, становится сегодня объектом междисциплинарного исследования. Это обусловлено многомерностью объекта рассмотрения и разнообразием явлений, подводимых под категорию речевой агрессии. Подход к указанному феномену в рамках различных лингвистических дисциплин, с нашей точки зрения,

несколько противоречив, поскольку, с одной стороны, большинство исследователей манифестируют постулат о том, что вербальная агрессия представляет собой форму речевого поведения, «нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе лиц, организации или обществу в целом» [7, с. 562], однако на практике материалом изучения часто являются отдельные элементы этого речевого поведения, то есть языковые средства с минимальным контекстом, изъятые из живой ткани

общения (ср.: «речевая грубость, проявляющаяся в отборе резких, оскорбительных слов, в том числе нецензурных ругательств, насмешливых интонаций, в повышенной громкости голоса, в резко отрицательных оценках собеседника, неприятных для него намеках, грубой иронии и т. д.» [9, с. 6, см. также: 12]. Во многом это противоречие связано со сложностями как в установлении теоретических основ исследования, так и в фиксации языкового материала: агрессия часто проявляется в живом непосредственном устном общении, с характерным для него переплетением вербального и невербального компонентов. Одним из решений поставленной проблемы видится нам обращение к жанру телевизионного интервью, представляющему собой целое завершенное коммуникативное событие, при анализе которого можно говорить не только о способах выражения агрессии посредством отбора языковых средств в отдельных репликах, но и об их более широком контексте — дискурсе в целом. Основные положения теории речевых актов, а также разработанный ею терминологический аппарат позволяют выявить и охарактеризовать агрессию в коммуникации как форму речевого поведения, в которой, «используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу), следуя определенной коммуникативной интенции вырабатывает коммуникативную стратегию, которая преобразуется или не преобразуется в коммуникативную тактику как совокупность коммуникативных намерений (коммуникативных задач), пополняя коммуникативный опыт говорящего» [3, с. 12].

Материалом для изучения феномена речевой агрессии послужили две телевизионные передачи с участием актрисы Л. В. Максакковой, давшей интервью Ю. Меньшовой («Наедине со всеми», 02.04.2015) и И. Урганту («Вечерний Ургант», 20.06.2013). Сделанная нами расшифровка программ позволит не только охарактеризовать способы

вербальной агрессии и ее место в коммуникации, но и показать речевые стратегии и тактики эффективного и неэффективного взаимодействия с агрессивным оппонентом.

Для речевого поведения Л. Максакковой характерна повышенная агрессивность: в обеих коммуникациях ею использован целый арсенал ресурсов, создающих у интервьюеров ситуацию речевого дискомфорта. Подобно тому, как в психологии агрессия считается маркером конфликта [2], так и вербальную агрессию следует признать неотъемлемой частью речевого (и/или речеповеденческого) конфликта, точнее, показателем стадии перехода собеседников к открытой конфронтации.

Одной из тактик агрессивного речевого поведения является апелляция к предыдущему коммуникативному опыту, к чему оппонент может быть не подготовлен, так как считает произошедшую ранее коммуникацию закрытой, а речевой инцидент — исчерпанным. Так, Л. Максаккова возвращает собеседника к разговорам, состоявшимся за кадром, выражая свое негативное отношение к процессу или результату упоминаемого речевого взаимодействия. Например, в первом интервью актриса в самом начале программы говорит: «Нет, ну вот сейчас у нас произошел диалог. Я говорю: “Юля, как к тебе обращаться: на “ты” или на “Вы”?” Получила ответ непонятный. И не знаю теперь, как быть. Я в смущении». Во втором интервью эта же тактика применена в реплике: «Я сейчас это к тому клоню, что, когда меня сюда к вам звали, сказали, нет ли у меня чего-нибудь новенького. Я сказала... Ну как вам сказать. У меня платьице новенькое. Сама старенькая, а платьице новенькое (ведущий посмеивается). И сержки новенькие». Выражение чувств в первом примере и саркастическая реакция на реплику собеседника во втором показывают, что говорящий ранее испытал коммуникативный дискомфорт и вносит его в текущую коммуникацию, обостряя речевой конфликт. Такое поведение можно назвать провокативным,

то есть ориентированным на «ответное действие или бездействие провоцируемого(ых)», в силу чего оно может «организовывать коммуникацию и быть связанными с коммуникативным намерением и прагматикой речевого акта» [4, с. 143]. Обе провокативные реплики выражают негативное отношение к речевому поведению партнера. В первом примере отсутствие конкретного ответа интерпретируется как безразличие к важному для субъекта речи процессу установления коммуникативной дистанции: Л. Максакова намеревалась создать атмосферу речевого комфорта для собеседника («как к тебе обращаться: на “ты” или на “Вы”») и неопределенный ответ («как удобно») восприняла как обесценивание своего коммуникативного намерения, хотя, возможно, со своей стороны, Ю. Меншова с этой же целью предоставляет собеседнице карт-бланш в выборе этикетной формы обращения. Во втором примере вопрос редакторов («есть ли у вас что-нибудь новенькое») также расценивается как проявление неуважения: нечеткость коммуникативной задачи в планировании тематики предстоящего эфира говорит о невнимании либо к творчеству гостя, либо к ее интересам, либо к процедуре переговоров.

Редакторы и ведущая программы «Наедине со всеми» изначально задают поле коммуникативной напряженности. Это проявляется еще в превью (от английского «preview» — «предварительный просмотр»), агрессивная тональность которого создается использованием негативно коннотированных лексем: «мать не открыла дочери имени ее отца... **допускала ли она сама мысль** о том, что, возможно, она — дочь Сталина // ее воспитывали в **строгости**... как же она **осмелилась** «пойти в артистки» вопреки воле мамы // ее первый муж... эмигрировал в США и она прошла через **унизительную** процедуру разусыновления их общего сына // в нее были влюблены многие талантливые мужчины поколения // с композитором М. Таривердиевым ее роман длился три года, но их отношения разрушил **трагический** случай,

который, **как говорят**, стал биографической основой сюжета фильма «Вокзал для двоих» // второй брак с гражданином Германии мог навсегда **разрушить** ее карьеру, но она не **испугалась**...». Этот текст задает сюжетно-смысловой вектор и стоящую за ним аксиологическую модель коммуникативной стратегии журналистов: в первую очередь их интересуют «жареные факты». Мы можем с уверенностью утверждать, что здесь изначально задается провокативная линия общения инициатора коммуникации, причем осуществляется провокация комплексно: как на уровне выстраивания речевой стратегии с продемонстрированным навязыванием темы и интерпретаций фактов, так и тактическом уровне — через отбор языковых средств. Языковая провокация здесь представлена двумя видами: прямой (при использовании отрицательно коннотированной лексики) и косвенной («посредством речевого акта намека, запроса информации» [6, с. 51], закрытого вопроса, ограничивающего выбор ответа).

Первая же серия вопросов ведущей усугубляет речевой и стоящий за ним личностный конфликт коммуникантов:

Ю. М.: Вы знаете, что вы **славитесь у нас суровым характером**, что вас побаиваются журналисты?

Л. М.: Конечно, правильно делают.

Ю. М.: То есть вы это нарочно так?.. **Попугиваете. Мол, близко ко мне не подходи.** <...> А вы вообще **защитаетесь от окружающих**? Или нет?

Л. М.: Вы знаете, я думаю, что вопрос нельзя ставить вот так обобщенно. В каких-то случаях защищаюсь, в каких-то нападаю. Как и все, собственно говоря.

Ю. М.: А **остроумие** — просто наследственная черта?

Л. М.: Я не знаю, а где вы его видели?

Ю. М.: Я? Часто с ним сталкивалась. **Но у вас такое остроумие на грани... такого... м-м-м-м... я бы сказала... язвительности. Это способ защиты?**

Л. М.: Ничего себе, позвали на передачу. Я думала, сейчас скажут, какая милая, какая чудная, какая хорошая...

Ю. М.: Все это есть!

Л. М.: Позвали язву, журналистов терпеть не может.

Ю. М.: Неправда!

Л. М.: Ничего себе начало. Ну. Да. Дальше, ха-ха!

Ю. М.: Хорошо (с интонацией «ладно»).

Л. М.: Очень (иронично).

Если рассматривать этот диалог как последовательность речевых шагов, то серия скрытых агрессивных выпадов ведущей, выраженных в навязывании негативных номинаций через прием «навешивания ярлыков» («суровый характер», «защищаетесь от окружающих», «остроумие на грани язвительности») и закрытых вопросов провоцирует открытую вербальную агрессию собеседницы: она подчеркивает, что ее коммуникативные ожидания («я думала, скажут, какая хорошая») не совпадают с реальностью («позвали язву, журналистов терпеть не может»), и это вызывает коммуникативный дискомфорт, что обуславливает, в свою очередь, создание аналогичного состояния у оппонента. В данном примере речевая агрессия используется как средство защиты, при этом для нападения на собеседника используются языковые средства из его же арсенала (этот прием можно условно назвать как тактика перехвата языковых средств).

Нарушение коммуникативного комфорта часто проявляется в акцентировании на неудачных, с точки зрения одного коммуниканта, выражениях его визави. И. А. Стернин, размышляя о речевом такте, указывает, что «важно не замечать ошибок собеседника, неточных или неудачных выражений, допускаемых им» [11, с. 33]. Л. Максакова неоднократно нарушает эту «максиму вежливости», акцентируя внимание собеседницы на том или ином использованном лексическом средстве:

(1) Ю. М.: Вы говорите: «Я шоу-бизнесом не замарана». Но на светских мероприятиях вы любите появляться?

Л. М.: Ну вы знаете, вот это не моя стезя точно.

Ю. М.: Что так?

Л. М.: А потом, что вы называете «светским мероприятием»? Вы свет-то где видели? Вы что имеете в виду, «Горе от ума»? Выезд? Куда?

(2) Ю. М.: Ваша мама достаточно знаменитая оперная певица...

Л. М.: Нет, она была великая певица, она не знаменитая.

Ю. М.: Извините.

Л. М.: (указывая пальцем на листы, лежащие перед ведущей) Вот тут у вас что-то в бумаге не то написано! Это я вам точно говорю!

(3) Ю. М.: Вы с мамой были близки?

Л. М.: Что значит «были близки»? Близким можно быть с мужчиной. Что значит с мамой близки? Это естественно.

(4) Ю. М.: Вы вообще воспринимаете мужчину в своей жизни как некую защиту хоть от чего бы то ни было?

Л. М.: Ой вы знаете, я мужчин уже давно никак не воспринимаю... Детьонька моя, знаешь, сколько мне лет? Ну?

В каждом из микродиалогов Л. Максакова, используя тактику ухода от ответа посредством языковой рефлексии над синонимией («знаменитая» — «великая») и полисемией («свет» — как «бомонд» и как «дворянское общество»; «воспринимать мужчин» — в значениях «считать, относиться как к чему-то» и «проявлять интерес, иметь влечение»), эксплицирует речевой конфликт, строящийся на различиях в понимании указанных языковых средств обеими участниками коммуникации.

Шестая минута интервью становится переломной: ведущая, обрываемая на полуслове, столкнувшись с демонстративным игнорированием задаваемых ею вопросов и невозможностью направить вектор беседы в желаемую сторону, от скрытого коммуни-

кативного противоборства, в котором одержала тактическое поражение, переходит к открытой конфронтации, вскрывая речевой и глубже — психологический конфликт:

Ю. М.: А я вам нужна, Людмила Васильевна?

Л. М.: Ну... по вашему усмотрению. Я вообще с аудиторией и без ведущего могу разговаривать. Мне все равно.

Ю. М.: Вот я в этом смысле и спрашиваю.

Л. М.: Меня же позвали «наедине со всеми», а не наедине с вами, правильно?

Ю. М.: То есть мне в принципе можно выйти?

Л. М.: Ну, я и хочу со всеми разговаривать.

Коммуникативный опыт гостьи программы, более искушенной в словесных поединках, показывает ее умение парировать иронию собеседника его же языковыми средствами: так, она изящно обыгрывает название передачи («наедине со всеми, а не наедине с вами»). Фраза «я вам нужна?» представляет собой яркий пример косвенного речевого акта, «иллокутивная цель которого присутствует имплицитно» [1, с. 413] и заключается не в получении ответа на формально поставленный вопрос, а в намеке на то, что партнер по общению нарушает предписанную ему коммуникативную роль и/или правила речевого взаимодействия.

Нежелание учитывать коммуникативные потребности партнера уйти от неприятной темы можно считать еще одним дискурсивным приемом создания атмосферы вербальной агрессии. Это проявляется в следующем фрагменте:

Ю. М.: Я хотела бы коснуться истории, ... касающейся ваших отношений с композитором Михаэлом Таривердиевым. Вы утверждаете, что...

Л. М.: Вы знаете, дело все в том, что... жива вдова Михаэла Леоновича, и мне бы не хотелось на эту тему говорить. Потому что давайте щадить все-таки чувства окружающих. ...Ей эта тема может быть неприятна. Поэтому давайте сейчас эту тему закроем.

Ю. М.: Вдова Михаэла Таривердиева ваши чувства не очень-то пощадила, говоря о том, что...

Л. М.: Это ее дело личное, а мое дело — эту тему не развивать.

Агрессивная стратегия здесь выражается в игнорировании предложения собеседника («давайте щадить чувства окружающих», «давайте... эту тему закроем»), более того, она усиливается провокацией («ваши чувства не очень-то пощадила»). Прерывание оппонента на полуслове и откровенное декларирование отказа от комментариев — это техники, которые используются для прекращения обсуждения щекотливой темы.

Кульминацией конфликта в коммуникации становится следующий обмен репликами:

Ю. М.: Ну я продолжу свою мысль, если вы позволите.

Л. М.: А она у вас есть?

Ю. М.: Да-а-а!

Л. М.: Правда?

Ю. М.: Вы не поверите, Людмила Васильевна, у меня их так мно-о-го!

Л. М.: Что вы говорите?.. Ну познакомьте меня хоть с одной из них! Ха-ха-ха-ха!

Сарказм гостьи программы «выражает враждебное отношение» [10, с. 23] и дискредитирует собеседницу, нанося урон ее коммуникативному статусу. Использование уничижительных номинаций («Юленька», «детонька», «душенька») из уст гостьи программы также понижает коммуникативный статус ведущей и является способом демонстрации превосходства.

Для речевого поведения обоих коммуникантов характерна повышенная агрессивность, понимаемая как целенаправленное деструктивное поведение, наносящее вред объекту нападения [2]. Обе участницы демонстрируют широкий круг языковых и дискурсивных средств выражения агрессии. Со стороны Ю. Меньшовой это различные языковые провокации (как в выборе тем, так и в отборе определенным образом маркированных лексических средств), искажение информации, оценочные номинации

и закрытые вопросы. Арсенал Л. Максаковой более широкий: помимо общих для нее и собеседницы тактик нарушения речевого комфорта, игнорирования фактора адресата, иронии как средства нападения, возражений («*неправда!*»), перебивания на полуслове, она использует переадресацию («*Машу мою пригласите..., вот у нее и спросите*»), тактики языковой и метаязыковой рефлексии, использование языковых средств партнера против него самого, передразнивание, сарказм, также она открыто вскрывает коммуникативные намерения, свои и оппонента, выносит на обсуждение ранее состоявшиеся неудачные коммуникативные акты, навязывает свои темы («*это тоже могло быть предметом вашей передачи*») и предписывает негативную линию поведения партнеру («*ну то, что это программа в эфир не выйдет, это я вам гарантирую*», «*вы, конечно, это все вырежете*»).

В целом беседу ведущей и актрисы можно охарактеризовать как квазидialog, или псевдодialog, в котором каждая из участниц развивает собственную линию, абсолютно игнорирует интересы партнера и особенности коммуникативной ситуации, стремится захватить доминирующую позицию и навязать другому свою коммуникативную стратегию. Это подтверждается другими интервью, в которых обе собеседницы прокомментировали произошедшее: «*На какое-то время я была выбита из колеи. Однако осознанно не сворачивала на территорию разговоров об искусстве, которые, поверьте, умею поддерживать. Для этого жанра <...> есть специальные программы*» (Ю. Меньшова, «Комсомольская правда», 24.04.2015). Если ведущая открыто характеризует свои прошлые коммуникативные намерения, то ее собеседница делает это имплицитно: «*Она (редактор программы — О. С.) меня уверила, что <...> речь пойдет исключительно о моей книге и, естественно, о тех людях, кому она посвящена. ... Но первый же вопрос ведущей поставил меня в тупик — я поняла, что меня просто*

обманули» («Мир новостей», 14.04.2015). Таким образом, ее коммуникативный пресинг обусловлен нежеланием играть по навязываемым правилам. С этой точки зрения, вербальная агрессия может быть рассмотрена как способ речевой самообороны, поскольку одной из причин агрессивного речевого поведения может стать «раздражающее или возмущающее поведение <...> собеседника, <...> то есть вина за проявление агрессии лежит не столько на реагирующем собеседнике, сколько на провоцирующем его субъекте речи» [9, с. 6]. Это, в свою очередь, подтверждает тезис о двойственной природе агрессии, которая не только реализует стратегию нанесения оппоненту психологического ущерба, но, главным образом, является биологическим защитным механизмом [8].

Таким образом, первое интервью, рассмотренное как завершенная речевая коммуникация, может быть признано полем повышенной речевой агрессии, явной и скрытой, осознаваемой и неосознаваемой коммуникантами, проявившейся в целом спектре структурных и смысловых компонентов взаимодействия. При этом речевая агрессия выражалась обеими участницами: ведущая демонстрирует ее как способ установления коммуникативного доминирования, гостя программы — как средство речевой самообороны и отстаивания своих коммуникативных границ (и в выборе темы разговора, и в речевом поведении, например, при уходе от нежелательных вопросов или в восстановлении фактологической точности посредством маркера «*Неправда!*»). Агрессивное противостояние закончилось победой гостя и полным коммуникативным провалом речевой стратегии ведущей программы.

Интервью с И. Ургантом демонстрирует прямо противоположный пример конструктивной коммуникации с агрессивным собеседником. Ремарка ведущего в представлении зрителям гостя сигнализирует о наличии потенциального поля коммуникативной напряженности: «*В прокат выходит мульт-*

фильм “Университет монстров”, и сегодня у нас в гостях... хм... (смешок)... **я не могу себе представить, что она придет по такому поводу**... народная артистка РСФСР, блистательная Людмила Максакова». Ведущий открыто выражает удивление, поскольку имеет определенные коммуникативные ожидания, основанные на представлении о своей собеседнице, круге ее интересов и предпочтений: недоумение связано с незначительностью информационного повода, на который откликнулась актриса, придя на программу.

В противовес полному игнорированию коммуникативной линии актрисы, которое мы видели в первом случае, здесь ведущий не просто внимателен к линии речевого поведения собеседницы, но и отвечает на каждую реплику. Рассмотрим начало диалога:

И. У.: Людмила Васильевна, дорогая! ...

Как будто лето еще раз пришло к нам, Вы сейчас так вошли. Вы фантастическая...

Л. М.: Ты хочешь сказать, что я как солнце?

И. У.: Вы как солнце!

Л. М.: Угу! Хотелось бы...

И. У.: Я именно это хотел сказать, но почему-то сказал «лето» (ведущий садится за стол).

И. У.: Людмила Васильевна, мы вас обожаем, спасибо, что Вы к нам пришли. ...

Л. М.: Я с книжкой пришла...

И. У.: Вы думаете, Вам будет скучновато, да, вот тут?

Л. М.: Нет. Я думаю, поскольку больших заслуг не нашлось, кроме только я мультфильм озвучила, поэтому я пришла с книжкой.

И. У.: Ой, ой (передразнивая), Вы кокетничаете.

Л. М.: Нет, почему же. Я сейчас читать буду.

И. У.: Вы будете читать Пушкина?

Л. М.: Что хотите, то и буду читать.

И. У.: Я настаиваю!

Л. М.: Да.

И. У.: Я настаиваю!

В этом фрагменте диалога ведущий использует различные тактики «сглаживания острых углов» при помощи: 1) комплиментов («обожаем», «спасибо», «дорогая», «фантастическая», «как лето», «как солнце»); 2) юмора [12] («вы думаете, вам будет скучновато»); 3) согласия с собеседницей, за которым стоит готовность мгновенно уступить доминирующую роль в коммуникации и подстроиться под навязываемый вектор общения («я именно это и хотел сказать», «я настаиваю»). Посредством «акцентирования позитива в общении» [11, с. 40], со свойственным ему «коммуникативным оптимизмом», проявляющимся в ориентированности на «на возможность положительного разрешения всех обсуждаемых проблем, <...> возможность завершить общение с хорошим настроением» [там же] И. Ургант нейтрализует три агрессивных выпада собеседницы: 1) приписывание коммуникативных намерений («ты хочешь сказать», парируемое согласием «я именно это и хотел сказать»; «я сейчас читать (Пушкина — О. С.) буду» и гиперболизированная поддержка этого коммуникативного намерения восклицательной фразой «Я настаиваю!.. я настаиваю!»); 2) перебивание и навязывание своей темы («я с книжкой пришла»), на что ответом служит самоироничный намек на вероятную скуку собеседницы, построенный на отсылке к бытовой ситуации, когда за чтением можно скоротать время; 3) сарказм («если других заслуг не нашлось»), на который ведущий реагирует юмором («ой, ой, вы кокетничаете»). Все продемонстрированные тактики можно признать способами не только купирования вербальной агрессии, но и гармонизации общения в целом.

Если Ю. Меньшова, столкнувшись с вербальной агрессией, вступает в конфронтацию, проявляя ответную агрессию, то И. Ургант выбирает комплементарную стратегию подчинения. Шутливые ответы на фразы, содержащие речевую агрессию, демонстрируют такое свойство юмора, как направленность на «сохранение социальной близости

(коммуникантов — О. С.) в ситуации возникновения между ними некоторого негатива» [5, с. 322]. Например, на реплику Л. Макаковой «Я пришла с Пушкиным, чтобы придать какое-то благородство нашей затее. И поэтому я прочту стихотворение, если его вырежут, значит, вырежут» ведущий отвечает: «А вы расскажите внутри стихотворения какую-нибудь похабную историю про вахтанговцев. И мы тогда не сможем вырезать Пушкина!». Снижение градуса напряженности выражается в реакции актрисы: она, подавляя смешок, выражает согласие («обязательно»), при этом продолжает свою линию коммуникативного поведения — читает приготовленную элегию.

Используя юмор, самоиронию, согласие и комплимент как средство купирования вербальной агрессии, И. Ургант стремится создать коммуникативный комфорт собеседницы, чтобы направить разговор в заданное русло. Например:

Л. М.: ...У вас программа называется «Вечерний Ургант». Стало быть, вечер наступает, перед тем, как люди отправляются ко сну.

И. У.: Абсолютно верно, абсолютно верно.

Л. М.: И вечером вы что-то делаете, кроме того как смотрите программу «Вечерний Ургант». Кто-то смотрит, а кто-то нет...

Л. М.: Вы как-то с ненавистью говорите про нашу программу... Как будто вам не нравится...

Л. М.: Почему? Я покорена вашей программой. Потому что у вас на этом месте — мне даже страшно произнести — сидел сам Аллен Делон.

И. У.: Да... но после него потом сидела Юлия Савичева, поэтому это ушло

Л. М.: Ушло? А вот это я не видела...

И. У.: Ха-ха! Вот видите! А я видел! ... Я видел спектакль «Евгений Онегин», где вы блистательно!!! блистательно!!! (аплодисменты) играли... (аплодисменты).

Коммуникативная стратегия И. Урганта характеризуется повышенной гибкостью и чувствительностью к намерениям собеседника: он уступает доминирование партнеру, интересуется принесенной книгой, просит прочесть Пушкина, охотно переключается на новую предложенную тему (посещение музея В. Л. Пушкина), поддерживает чтение актрисой элегии (что даже вступает в диссонанс с развлекательным юмористическим форматом программы), смягчает шутками язвительные комментарии по поводу глубины современной поэзии. Этот блок из 5 микротем, уводящий в сторону от анонсированной проблематики, создает атмосферу речевого комфорта собеседницы и позволяет ведущему перебросить мостик к реализации собственной коммуникативной задачи: он предлагает тему («знаю, спросить вас или нет»), которая, с одной стороны, касается сферы интересов Л. Макаковой — ее профессии, с другой — позволяет перейти к обсуждению мультфильма. Это переломный момент коммуникации: ведущий переходит от стратегии уступки к стратегии сотрудничества, и актриса с готовностью рассказывает о своей преподавательской работе, а затем о мультфильме, в котором озвучивает ректора университета, то есть преподавателя. Таким образом, мы видим, что ведущим был изначально продуман этот ход, о чем свидетельствует выбор заранее подготовленного видеотрейлера, вставленного в эфир, с последующей шуткой: «Похоже это на процесс преподавания вами в Щукинском училище?». Полная реализация коммуникативных намерений интервьюера представлена в следующем диалоге, где оппонент не только с готовностью идет навстречу, но и демонстрирует благожелательную реакцию:

И. У.: А давайте-ка про мультфильм?

Л. М.: Давайте, ой, прелесть.

И. У.: Вот видите, прелесть. А в самом начале сказали «позвали меня только из-за мультфильма»... А это событие! Когда такого уровня театральная и драматическая

актриса вдруг озвучивает роль в мультфильме.

Финальный обмен репликами (*И. У.: Ну Вы придете к нам еще? Л. М.: А что, уже все кончилось? Я думала, мы часа на три расположились*), свидетельствующий о нежелании актрисы заканчивать беседу, показывает успешность коммуникативной стратегии ведущего программы, который, с одной стороны, реализовал свои коммуникативные намерения, с другой — купировал вербальную агрессию, гармонизировав общение. Такая речевая стратегия привела к обоюдному выигрышу коммуникантов.

Оба рассмотренные интервью показывают, что гостя программ с первых минут оказывается в ситуации коммуникативного дискомфорта, поскольку вынуждена обсуждать нежелательные темы (факты биографии или не самый важный для себя творческий проект). Таким образом, изначально закладывается коммуникативный конфликт, поскольку цели интервьюеров прямо противоположные — эти темы обсудить. При этом оба ведущих используют разные стратегии осуществления своего коммуникативного намерения, подробно описанные известной в конфликтологии матрицей Томаса — Килмана. Ю. Меньшова использует стратегию противоборства. Нежелание пойти на уступки приводит к эскалации конфликта: ведущая на протяжении всего эфира настойчиво без-

успешно задает заранее заготовленные вопросы, а гостя успешно уклоняется от ответа, используя целый арсенал речевых тактик, а ее речевая агрессия призвана выполнять свою защитную функцию. Итогом становится полный разгром коммуникативной стратегии ведущей, реализованный в целой серии неудачных для нее словесных пикировок, и полная реализация речевых намерений ее гостя, однако в итоге обе оказываются в коммуникативном проигрыше, поскольку ни одна из них не получила удовольствия от общения (даже победительница словесной дуэли в финале программы вербально и невербально демонстрирует желание покинуть «поле брани», поглядывая на часы и ссылаясь на то, что пора на спектакль, а после эфира приносит извинения зрителям за свое речевое поведение). Избранная И. Ургантом стратегия речевого приспособления, при использовании тактик игнорирования агрессии или купирования ее юмористическими и самоироничными репликами, комплиментами оппоненту, уступка коммуникативного лидерства, проявляющаяся в готовности менять тему по желанию собеседника, позволила прийти к коммуникативному сотрудничеству, реализовать свои цели и вызвать у гостя программы ощущение коммуникативного комфорта, выраженного в желании прийти на передачу еще раз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 412–413.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 3-е изд. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 632 с.
3. Ключев Е. В. Речевая коммуникация. М.: Рипол Классик, 2002. 315 с.
4. Козлов А. Е., Саженин И. И. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 142–155. <https://www.doi.org/10.15293/2226-3365.1505.13>
5. Кошелев А. Д. О природе комического и функции смеха // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина. М., 2007. С. 277–326.
6. Кошкарева Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). С. 48–52.
7. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.

8. *Лоренц К.* Агрессия, или Так называемое зло. М.: АСТ, 2017. 352 с.
9. *Романова Н. Н., Филиппов А. В.* Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 304 с.
10. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 1999. 543 с.
11. *Стернин И. А.* Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Истоки, 2003. С. 22–48.
12. *Щербинина Ю. В.* Речевая агрессия и пути ее преодоления. М.: Флинта, 2004. 224 с.